

Памяти мистера Ли и Элис

Часть I

1

После Атланты она стала смотреть в окно с наслаждением почти физическим. Сидя с чашкой утреннего кофе в вагоне-ресторане, следила взглядом, как остаются позади последние холмы Джорджии и наплывает красная земля, а на земле — крытые железом дома посреди чистеньких дворов, а во дворах — неизбежная вербена в кадках из старых беленых покрышек. Заулыбалась во весь рот, заметив на крыше облезлого негритянского домика первую телеантенну, и чем гуще они шли, тем радостней было на душе.

Джин-Луиза Финч домой обычно летала, но в это, уже пятое по счету ежегодное путешествие из Нью-Йорка в Мейкомб отправилась поездом. Во-первых, в прошлый раз она до смерти перепугалась: пилот выбрал путь через торнадо. Во-вторых, отцу уже семьдесят два, не годится ему вставать в три часа ночи и мчаться сто миль, чтобы встретить ее в Мобиле, тем более что потом еще целый день работать.

Она не жалела, что предпочла железную дорогу. Со времен ее детства поезда стали совсем дру-

гими, и она тешилась новыми впечатлениями: от нажатия кнопки в стене откуда ни возмись возник тучным джинном проводник; из другой стены по ее велению выдвигалась стальная умывальная раковина, имелся стульчак с удобными подпорками для ног. Она решила не поддаваться на угрозы инструкций, развешанных в одноместном купе тут и там, за что и поплатилась: ночью, ложась спать, пренебрегла советом ПОТЯНУТЬ РЫЧАГ ВНИЗ ДО УПОРА и оказалась зажата как в капкане между полкой и стеной, так что вызволять ее пришлось проводнику — к немалому смущению пассажирки, поскольку спать она любила в одной пижамной куртке.

Он, к счастью, как раз совершал обход своих владений и в ту минуту, когда ловушка сработала, оказался возле купе.

— Сейчас-сейчас, мисс, — сказал он, услышав, как она колотит по полке.

— Нет-нет! — закричала она. — Просто объясните, как мне выбраться.

— Да я спиной стану, а вытащить вытащу, — пообещал проводник. И обещанное исполнил.

Она проснулась, когда на сортировочной в Атланта вагон прицепляли к другому составу, и, вняв еще одному предупреждению, не вставала, пока за окном не промелькнул Колледж-парк. Потом надела то, в чем собиралась ходить в Мейкомбе, — серые брючки, черную блузку без рукавов, белые носки и белые же мокасины. И услышала, как неодобрительно фыркнула тетушка, хотя до встречи с ней было еще четыре часа езды.

К четвертой чашке кофе экспресс «Кресент Лимитед», гоготом гигантского гуся приветствуя собрата, летевшего встречным курсом на север, уже грохотал через Чаттахучи в глубь Алабамы.

Чаттахучи — река широкая и тихая. Мутная вода в ней сегодня стояла низко, и по желтой песчаной отмели не текла, а сочилась. Может, она поет зимой — было такое стихотворение, как же там? «Шел я девственной долиной»? Нет, не то. Не он ли еще писал про водоплавающих — или там было про водопад?*

Она решительно подавила ехидный смешок, вдруг подумав, что этот самый Сидни Ланир, вероятно, смахивал на ее давно покойного кузена Джошуа Синглтона Сент-Клера, чьи литературные заказники простирались от Черного пояса до Байю Ла-Бэтри. Тетушка не допускала ни слова критики в его адрес, твердя, что кузен — пример и образец, гордость семьи, идеал мужчины, поэт, похищенный смертью в расцвете дарования, и Джин-Луизе не следует забывать, какая это высокая честь — быть с ним в родстве. Да и как же не гордиться, если, по фотографиям судя, кузен был копия —

* Героиня путает произведения трех разных авторов: стихотворение «Песня реки Чаттахучи» (Song of Chattahoochie, 1877) американского поэта и музыканта Сидни Клоптона Ланира (1842–1881) со вступлением к «Песням невинности» (Songs of Innocence, 1789) английского поэта Уильяма Блейка (1757–1827), а стихотворение «К водоплавающим» (To a Waterfowl, 1818) американского журналиста и поэта-романтика Уильяма Каллена Брайанта (1794–1878) — с ранним рассказом Ланира «Три водопада» (Three Waterfalls, 1867). — *Здесь и далее примеч. пер.*

правда, сильно ухудшенная — Алджернона Суинберна*.

Джин-Луиза улыбнулась про себя, припомнив, что отец рассказывал ей и про то, чем эта история кончилась. Цветущее дарование в самом деле было пресечено безвременно — но не Божьей волей, а кесаревыми слугами.

В университете кузен Джошуа слишком усердно учился, слишком много думал и самый образ свой вычитал из романов XIX столетия. Питал страсти к крылаткам и к ботфортам, сшитым по его собственным рисункам. Разобидевшись на власти, он несколько раз выстрелил в ректора университета — ректору этому, по мнению Джошуа, подобало бы не университет возглавлять, а выгребные ямы чистить. Это было сущей правдой, но не служило смягчающим обстоятельством при покушении на убийство с применением огнестрельного оружия. За немалые деньги дело удалось замять — и кузен Джошуа, признанный невменяемым, переместился из исправительного учреждения штата в учреждение лечебное, где и оставался до конца дней своих. Рассказывали, что он был во всех отношениях нормален, если при нем не упоминали ректора, — но если упоминали, он, страшно перекосив лицо, часов на восемь, а то и больше по-журавлиному замирал на одной ноге, и пока не забывал про своего недруга, ни за что на свете не желал переменить позу. Когда наступало просветление,

* Алджернон Чарлз Суинберн (1837–1909) — английский викторианский поэт.

кузен Джошуа читал древних греков и писал стихи, тоненький сборник коих напечатал за свой счет в Таскалусе. Поэзия его настолько опережала свое время, что и поныне осталась темна и туманна, однако эта книжка, как бы ненароком забытая на столе, красуется в тетушкиной гостиной на самом видном месте.

Джин-Луиза рассмеялась вслух и сейчас же оглянулась — не слышал ли кто. Досказывая дочери то, о чем умалчивала тетушка, отец всегда сводил на нет ее рацеи о безусловном, по праву рождения дарованном превосходстве любого отдельно взятого Финча над всеми прочими, и хотя говорил он сдержанно и серьезно, Джин-Луизе неизменно чудилось, что в глубине его глаз посверкивает глумливая искорка — или это всего лишь отсвечивали стекла очков? Бог весть.

Местность за окном, а с ней и поезд полого пошли под уклон, и теперь до самого горизонта виднелись только луга с черными коровами. Она спрашивала себя, почему раньше не понимала, как же тут красиво.

Станция в Монтгомери примостилась на крутой излучине Алабамы, и когда Джин-Луиза вышла на платформу размять ноги, навстречу тусклым маревом, огнями, причудливыми запахами устремилось что-то давнее и милое. Но чего-то не хватает, подумала она. Запаха перегретых букс — вот чего. Человек с ломиком идет вдоль состава. Слышится лязг, потом «ш-ш-ш-ш», вздымаются клубы белого дыма, ты словно попала в кастрюлю с подогревом. А теперь все на мазуте.

Ни с того ни с сего воскрес прежний детский страх. На этой станции она не бывала двадцать лет, с тех пор как еще девочкой ездила с Аттикусом в столицу и в ужасе ждала, что качкий состав вот-вот рухнет в реку вместе с пассажирами. Но поднявшись в вагон, Джин-Луиза об этом позабыла.

Поезд постукивал на стыках, мчался через сосновые леса, и насмешливо загудел, проносясь мимо ползшего по запасным путям ярко-пестрого музейного экспоната с трубой-воронкой на крыше и эмблемой деревообрабатывающей компании на боку. Экспресс «Кресент Лимитед» мог бы проглотить его целиком, и еще бы место осталось. Гринвилл — Эвергрин — Мейкомб-Узловая.

Джин-Луиза заранее предупредила кондуктора, чтобы не забыл выпустить ее, а поскольку он был сильно немолод, угадала, что в Мейкомбе он замашет флажком, как свихнувшаяся летучая мышь крыльями, остановит поезд на четверть мили дальше полустанка, а на прощанье скажет: виноват, мисс, чуть не прозевал. Поезда меняются, а кондукторы — нет. Подшучивать над юными леди на остановках по требованию — профессиональная черта, и Аттикус, который может предсказать поведение любого кондуктора от Нового Орлеана до Цинциннати, встречая дочь, ошибется шагов на шесть, не больше.

Она была дома, в перекроенном под выборы округе Мейкомб, в длину миль семьдесят, в самой широкой части — около тридцати, в пустоши, усеянной крошечными поселками, самым крупным из которых и был собственно Мейкомб, центр окру-

га. Еще относительно недавно он был так отрезан от остальной страны, что иные жители, не ведая, какие политические пристрастия оформились за последние девяносто лет на Юге, продолжали голосовать за республиканцев. Поезда здесь не ходили — станция Мейкомб-Узловая, называемая так из чистой любезности, относилась к округу Эббот, в двадцати милях отсюда. Автобусы курсировали от случая к случаю и как Бог на душу положит, но федеральное правительство все же пробило через болота пару скоростных автострад, чтобы граждане в случае чего могли эвакуироваться. Впрочем, пользовались дорогами немногие, да и на что они сдались? Кому много не надо, у того всего вдоволь.

Округ и город носили имя полковника Мейсона Мейкомба, редкостной своей самонадеянностью и безудержным своеволием вносившего смуту и разброд в души всех, кто ходил с ним на индейцев-маскоги. Театр его военных действий на севере был слегка холмист, на юге — ровен как стол. Полковник, убежденный, что индейцы не любят сражаться на равнине, в поисках противника шерстил северную оконечность этих краев. Генерал обнаружил, что покуда Мейкомб без толку рыщет по холмам, в каждом сосняке на юге полно притаившихся индейцев, и послал полковнику курьера — индейца из дружественного племени — с приказом следующего содержания: «Поворачивай к югу, так тебя и так». Но Мейкомб, пребывая в уверенности, что это хитрый трюк индейцев, заманивающих его в ловушку (причем во главе их стоит какой-то голубоглазый и рыжеволосый дьявол), дружествен-